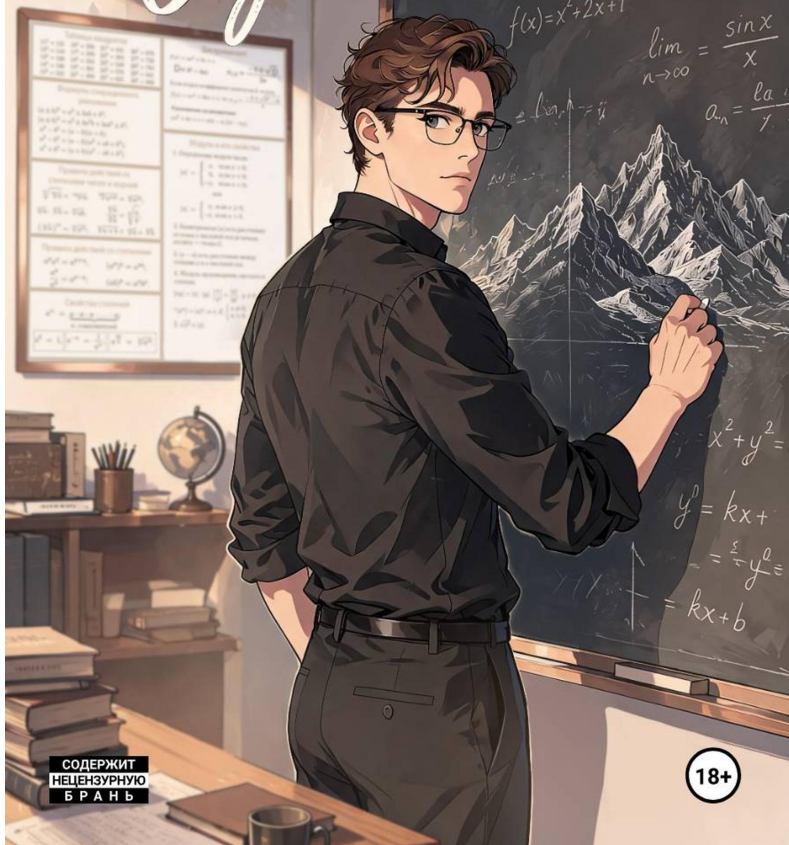

МАРГАРИТА НЕВЕРОВСКАЯ

Один день

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Маргарита Неверовская

Один день

<https://litres.ru/74613399>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ты когда-нибудь ловил себя на мысли, что живёшь по инерции?

Что каждое утро — просто копия вчерашнего?

Что мечта, отложенная «на потом», давно покрылась пылью?

Константин Вишневский одним февральским утром задал себе те же вопросы.

Эта история — о профессиональном выгорании и пробуждении.

О поколении девяностых, которое так долго училось выживать, что забыло, как жить.

О невысказанных словах, которые преследуют годами.

И о том, что иногда, чтобы найти себя, нужно потерять всё.

Мы не потеряны — мы просто с рождения обречены на свободу.

Содержание

Глава	4
Глава 1	5
Глава 2	27
Глава 3	41
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Один день

Глава

Посвящается поколению 90-х.

Мы не потерянное поколение.

Мы просто с самого рождения обречены на свободу...

Глава 1

Телефон зажужжал, как всегда, безжалостно и точно. Я не глядя нащупал его на тумбочке, высунув руку из-под одеяла, и уставился на экран одним глазом.

6:30.

Ср , 5 февраля .

Я уже сбился со счёта — если бы не календарь и расписание, давно потерял бы ход времени. Нет ничего особенного в этом дне. Обычный рабочий день, обыкновенное зимнее утро. Ничего удивительного — день сурка.

— Ещё десять минуточек, — сказал я вслух, словно над кроватью стоял надзиратель с секундомером.

Над ухом снова зажужжала до боли бесячая, но такая привычная мелодия. Я до сих пор не купил нормальный будильник — пользуюсь телефоном, как и большинство. Я явно не из тех правильных ребят, у которых каждая секунда жизни расписана по минутам.

Пришлось стать жертвой собственного режима и всё-таки сползти с постели. Пустые стены моей квартиры пребывали во мраке февральского утра. Я даже не удосужился включить свет, ведь не видел в этом ритуале смысла. До туалета я дой-

ду с закрытыми глазами: моя халупа — всего тридцать квадратных метров.

После сна все мышцы затекли, поэтому я уже давно решил: как только просыпаюсь — сразу на турник. Пара подтягиваний, чтобы хорошенько похрустеть суставами. Сегодня вышло даже больше, чем вчера. Видимо, сказалось то, что лёг чуть раньше. Значит, вроде как выспался. Хотя по факту я бы проспал часов пятнадцать, а то и больше.

Я бросил взгляд на одинокие стены хрущёвки. Может, я просто слишком устал за последнее время, или жёлтый свет уличных фонарей как-то по-особенному лёг на мебель, но на секунду мне показалось, что я стою на вершине горы и встречаю рассвет. Я закрыл глаза. Кожу на щеках кольнуло от морозного ветра. Сквозь веки пробилось тепло утреннего солнца...

Но наваждение растворилось. Работа не ждёт. Пора собираться на вечную каторгу — иначе свой обычный день я описать не мог.

Я прошёл на кухню и поставил чайник на плиту. Потом пошёл в ванную, умылся, посмотрел на себя в зеркало. Щетина. Тёмные круги под глазами. Мне двадцать девять или уже сорок? Год назад я выглядел бодрее. Или всё? Молодость кончилась, так и не начавшись? Окей. А если побриться? Побрился. Ну вот, хотя бы на человека стал похож. Хорошо, что лицо не опухло, как вчера.

Я давно перестал париться из-за внешности, но годы берут

своё. Уже сесть начал. И от этого становится тревожно — не из-за самих седых прядей, а из-за лет, которые мне ничего толком не принесли. Опять загоняю себя в тревогу, которая давно ходит со мной рука об руку. Надо взбодриться!

По утрам меня спасает контрастный душ. Без него моё состояние я бы назвал критическим. Я прекрасно понимаю, что давно выгорел и еду на «нейтралке» — психика держится из последних сил. Но надо как-то держать себя в тонусе, ведь я уже давно сам по себе и на чью-то помощь не надеюсь. Приходится справляться самому.

Заходя на кухню, слышу свист чайника. Давно пора купить электрический, но есть что-то в этом звуке. Может, отголоски беззаботного детства.

С вечера планировал сварить с утра кашу, начать питаться правильно. Но лень, как обычно, заявила, что завтрак ограничится бутербродами и парочкой засохших печений курабье. Такая еда только навалила хандры.

Вид из окна на Каменск-Уральский давно превратился для меня в фон, который перестаёт быть депрессивным только летом. Панельки ментально давят, будто эти бетонные плиты — стены огромной клетки. Дома стоят голые, словно с них содрали весь красивый фасад. В голову лезут мысли об антиутопиях, где в человеке убивают всё живое, превращая его просто в орудие. В безликий винтик системы.

В последнее время я именно так себя и ощущаю: маленький человек без амбиций, чьи смыслы и мечты покрылись

толстым слоем пыли.

— Раз-два-три! Раз-два-три! — гаркнул я в пустоту, просто чтобы разбить эту гробовую тишину. Кто живёт один, тот поймёт.

Чего-то не хватало для хорошего утра. Я медленно повернул голову. На столе лежал шоколад «Бабаевский» — пылился там ещё со Дня учителя. Я, конечно, понимаю, что учителю-мужчине вряд ли подарят «Рафаэлло», но почему именно он?

«В каком же ты отчаянии, что обратился ко мне?» — словно спросил меня «Бабаевский».

А я был в отчаянии. Поэтому впервые за пару месяцев вскрыл обёртку и сгрыз сразу полплитки. Горько, не особо сладко и не вкусно. Но жаловаться не в моей компетенции. Оставшаяся половина точно пролежит ещё столько же месяцев, пока не настанет такой же утренний час икс. Сегодня надо обязательно зайти в магазин и купить нормального сладкого, хоть какая-то радость.

— Так, очки надеть, рубашку погладить, — пробормотал я, загибая пальцы. — Положить тетради пятого «А». Ещё... что ещё надо? Ладно, потом вспомню.

На скорую руку погладил рубашку, влез в привычный чёрный костюм. Часы! Вот что я чуть не забыл. И очки на столе остались, опять бы шурился весь день. Почти вышел из дома, называется.

— Всё, я пошёл! — крикнул я коридору. И тут же хлопнул

себя по лбу: — Тетради!

Снова забыл. Я затолкал эту кипу в и без того набитый рюкзак. Заодно сфоткал розетки и комнаты — чтобы днём не параноить, всё ли я выключил. В последнее время память вообще подводит, даже магний начал пить, но толку пока ноль.

Я щёлкнул замком и вышел на улицу.

Пятое февраля оказалось ещё холоднее, чем четвёртое. Ветер дул прямо в лицо, мелкий колючий снег забивался под шарф и летел в глаза. Я втянул голову в плечи и пошёл к остановке, чувствуя, как мороз моментально забирается под куртку. Минус двадцать семь, наверное. Или все тридцать. Впрочем, после двадцати разница уже не имеет значения — просто холодно, и всё.

На остановке я начал ходить из стороны в сторону. Не могу долго стоять на одном месте, обязательно нужно двигаться. Со стороны, наверное, выгляжу придурком, но мне давно плевать на чужое мнение.

Через семь минут подъехал автобус, битком набитый пассажирами. Я еле протиснулся внутрь, передал за проезд и встал в угол, стараясь не мешать тем, кто выходит и заходит.

В салоне пахло мокрой одеждой, потом и чьими-то духами. Это сочетание было настолько привычным, что я перестал его замечать.

— Здравствуйте, Константин Владимирович!

Я повернул голову. Саша Петров, 5 «В». Пухлый мальчишка с вечно немного нагловатым выражением лица. Меня всегда забавляло его подкалывать — у нас с ним часто идёт невидимая дуэль по пранкам и юмору. И как раз сегодня он вышел с больничного — можно использовать этот козырь.

— Здравствуй, Саша.

— У нас же сегодня самостоятельная?

— Она уже прошла, — сказал я с максимально серьёзным видом, изо всех сил стараясь, чтобы уголки губ не дрогнули. Сегодня у пятого класса контрольная.

Мальчик заметно расслабился. Съел мою уловку.

— Ах да, — добавил я как бы невзначай. — Наверняка ты готовился, пока болел. Поэтому сегодня для тебя будут особенные задачки, со звёздочками.

— А что, новая тема?

— Нет, — я держался изо всех сил, чтобы не заржать. — Сегодня контрольная.

Лицо Саши вытянулось так, будто я сообщил ему о конце света. Двери автобуса открылись на нашей остановке, я вышел, и Саша поплёлся следом.

— Константин Владимирович... — начал он тем тоном, каким обычно просят о пощаде.

— Да?

— Можно я повешусь?

— Нет-нет, — сказал я, не оборачиваясь. — Ты мне ещё нужен.

Я пошёл вперёд, слушая за спиной стоны, тяжёлые вздохи и приглушённое:

— Кто меня за язык тянул?!

Я позволил себе чуть улыбнуться. Совсем чуть-чуть. Дети иногда были единственным, что спасало этот день от полной безнадёжности. Не потому, что с ними легко — с ними как раз невыносимо. Но они были живыми. Глядя на них, я мог забыть про свою жизнь за пределами школы. Я давно понял, что работаю здесь только из-за них, хотя именно из-за них же часто думаю об увольнении. Это такой школьный стокгольмский синдром. Думаю, учителя и преподаватели меня поймут.

Хотя, возможно, я просто дошёл до определённого уровня сумасшествия, и мне давно пора менять работу. Наверное, это правда. Но вот так взять и всё бросить — чертовски тяжело.

Да, я думаю об увольнении. Но каждый раз задаю себе один и тот же вопрос: а что я буду делать, если не преподавать? Куда пойти? После стольких лет работы в гимназии очень сложно найти новый путь. Да и преподавать мне, по большому счёту, нравится. Просто я чертовски выгорел...

У входа в гимназию толпились школьники. Шум, смех, крики, кто-то кидался снежками, кто-то толкался. Со всех сторон несло «здравствуйте!». Кто-то кричал это искренне, кто-то равнодушно, кто-то хихикая, а иногда это звучало подозрительно вежливо — ведь я не был старым преподам и для некоторых девиц точно стал объектом особенного внимания. Я кивал в ответ и шёл дальше, стараясь не задерживаться. Были дни, когда мне хотелось остановиться, поговорить с кем-нибудь, расспросить, как дела, пошутить. Сегодня был не такой день. Сегодня я хотел банальной тишины.

В учительской я снял куртку, пригладил волосы — ветер превратил мою причёску в нечто, больше подходящее безумному учёному, чем преподавателю математики. Сел за дальний стол, открыл ноутбук, начал заполнять электронный журнал.

Несколько минут было тихо. Несколько прекрасных, невозможных минут, когда учительская принадлежала только мне, и в ней не было никого, кроме меня и покоя. Потом стали подтягиваться коллеги.

Первым зашёл Александр Николаевич — физрук, высокий, крепкий, с рукопожатием, после которого можно идти сразу в травмпункт. Он, как всегда, пожал мне руку первым и плюхнулся на стул.

— Поскорее бы закрыли всех на карантин, — мечтательно

произнёс он.

— Я и забыла, что седьмые классы на карантин закрыли, — отозвалась Татьяна Сергеевна, она преподавала биологию у старших классов.

— Александр Николаевич, вам-то, конечно, хорошо на карантине, — заметила Ирина Павловна, строгая учительница русского и литературы, — а нам работы прибавится.

— Ой, не говорите, девочки! — вставила своё слово Светлана Юрьевна. Она же историчка. Прозвище у неё было «Истеричка», и объяснять почему, думаю, не стоит.

Я смотрел в экран и старался не слушать. Каждое утро в учительской начиналось одинаково: кто-то жаловался на нагрузку, кто-то на учеников, кто-то на погоду. Иногда менялись имена и предметы жалоб, но смысл бесконечных возмущений оставался прежним. Мы все давно перестали верить, что что-то изменится, но продолжали говорить об этом, потому что молчать было ещё тяжелее.

Дверь открылась, и вошла Елена Викторовна — завуч. Я почему-то её боялся. Она была из старой школы: ей было много лет, хоть она и хорошо выглядела, но от неё веяло той самой советской закалкой, от которой меня передёргивало. Один раз я столкнулся с ней так, что после разговора ощущал себя провинившимся школьником. Я тогда был ещё зелёный и не знал здешних правил — о том, что ты должен делать кучу всего просто за большое спасибо, которое тебе потом вручат в виде грамоты. После того случая я перестал

участвовать во внеклассной школьной жизни, а все силы направил на детей. Я не резиновый, чтобы разорваться на всё.

— Доброе утро, коллеги! — громко и чётко сказала завуч.

— Мне только что позвонила Анна Григорьевна — она заболела.

— Я снова должна её заменить? — Ирина Павловна произнесла это не как вопрос, а как констатацию неизбежного факта.

— Сегодня раскидаем классы. У кого последним уроком русский — отпустим, а с завтрашнего дня вы её заменяете.

Завуч подошла к расписанию на стене и провела пальцем по строчкам, выискивая окна.

— Так... Шестой класс первым уроком пойдёт к Константину Владимировичу. Математика лишней не бывает.

Я тяжело выдохнул. Не специально, а просто вырвалось. Шестой класс первым уроком — это как начать день с того, что тебя бросают в бассейн с пираньями, только пираньи хотя бы молчат.

— Что так тяжело вздыхаете, Константин Владимирович? — спросила завуч с той особой интонацией, которая как раз и олицетворяла ту самую советскую закалку. Меня аж передёрнуло.

— Как не вздыхать от шестиклассников, — пришла на помощь Ирина Павловна. — Учиться не хотят, дисциплины нет, воспитания тоже.

Я молча закрыл ноутбук и встал.

— Пойду готовиться к уроку.

— Коллеги, предупредите детей об изменениях в расписании, — продолжала завуч мне в спину. — И не забудьте о педсовете в пятнадцать ноль-ноль.

Она вышла. За ней потянулся привычный шлейф вздохов.

— очередной бессмысленный педсовет, — сказал Александр Николаевич.

— Да опять нагрузят нас, — добавила Светлана Юрьевна.

Я вышел из учительской и пошёл по коридору к своему кабинету. Шаги гулко отдавались в пустом пространстве. До звонка оставалось ещё несколько минут, и коридор был непривычно тихим. Я любил эти минуты. В такие моменты школа на мгновение обретала очертания последних дней мая. Вот бы сейчас был май... Отпуск впереди... Но нет, сейчас разгар самой тяжёлой, третьей четверти. Почему она такая длинная? Просто ужас какой-то. И в этом году она даётся мне так тяжело, что хоть вешайся.

Я открыл дверь кабинета, включил свет и со всей силы бросил ключи на стол. Промaxedнулся. Они ударились о стену. Осталась небольшая вмятина, но за плакатом не видно.

Я поставил рюкзак на стол, вынул тетради и все необходимые принадлежности. Открыл окна, чтобы проветрить кабинет. Воздух был очень сухим — из-за морозов топили так, что мама не горюй, при желании о батарею можно было обжечься.

За окном падал снег, причём крупными хлопьями. Я сто-

ял у открытой створки, наблюдая, как искрятся снежинки и падают на подоконник. Минуты покоя перед сменой. Как хорошо, что сегодня она у меня одна. А вот завтра — три урока в первую и шесть во вторую. Но сейчас я не хотел даже думать об этом. Я хотел наблюдать за снегом и ни о чём не думать.

Я достал телефон и сфоткал, как падает снег. Кадр получился удачным: крупные хлопья на фоне старой спортивной площадки выглядели почти сказочно, если не приглядываться к облупившейся краске на турниках.

Я отправил это фото единственному человеку, который мог оценить момент. Подписал коротко: «Доброе утро! У нас сегодня много снега».

Это была Анна. Моя давняя знакомая... Она живёт в Питере, и наши диалоги в мессенджерах давно превратились для меня в некое подобие параллельной реальности. Там не существовало педсоветов, двоек и душных коридоров гимназии. Всё наше общение крутилось вокруг тех осколков красоты, которые мы оба отчаянно пытались выловить из вязкого потока серых будней.

Я ещё не успел убрать телефон в карман, как экран мигнул уведомлением.

«Ух ты... Настоящая зима! А у нас опять морось и серое небо. Завидую твоему виду из окна», — прилетел ответ.

Я улыбнулся. Всего на секунду, но это было самое искреннее, что я почувствовал за всё утро.

— ЗДРАВСТВУЙТЕ!

Неподготовленный человек мог бы навалить в штаны от такого визга, но я был готов к тому, что в кабинет сейчас вломятся шестиклассники и наведут суету. Они выдернули меня из этого короткого момента тепла. Я заблокировал экран, спрятал телефон и снова надел маску строгого учителя математики.

— Сдаём тетради, — скомандовал я, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо.

Шестой класс — это стихийное бедствие. Ученики потянулись к столу, сваливая тетради в неаккуратную кучу. Прозвенел звонок, но магического действия он не возымел. По правилам они должны были встать и замереть, приветствуя учителя, но на деле половина продолжала баловаться, кто-то демонстративно развалился на парте, а кто-то и вовсе не счёл нужным оторвать задницу от стула.

Пришлось потратить пару минут, чтобы выскрести из класса подобие тишины.

— На последних партах — успокоились! Так. Можете присаживаться.

Я пошёл между рядами, раздавая проверенные вчера работы. Каждое движение казалось механическим.

— Посмотрите на свои оценки, — сказал я, заранее зная реакцию.

Класс зашуршал бумагой. Посыпались вздохи, разочарованное сопение. Результат был предсказуем: 23 двойки, пять

троек и всего одна четвёрка.

— На сегодняшний день у вас феерические итоги. Блеск!
— я не удержался от сарказма.

Я повернулся к доске и размашисто записал: «Нахождение дроби от числа». Мел противно скрипнул. Пока я писал пример, за спиной снова поднялся гул. Особенно старались «камчатка» — задние ряды жили своей жизнью.

— Что же, придётся всё повторять заново. Будем работать над ошибками. Так, к доске пойдёт... Никитин Сергей.

Серёжа поднялся так, будто на его плечах лежали все беды человечества. Вяло дополз до доски и застыл с мелом в руке. Весь урок для него и всего класса превратился в пытку: я исправлял, объяснял, снова исправлял, пытаюсь вдолбить материал в эти светлые, но наглухо закрытые сегодня головы. Шум в классе не утихал ни на минуту.

Когда звонок наконец прозвенел, класс смыло за секунду. Остались только пара девочек.

— Константин Владимирович, а как оценку исправить?

— В пятницу после шестого урока, — ответил я, стирая многострадальные примеры с доски.

— Спасибо! До свидания!

— Рано прощаетесь, — осадил я их. — Вы ещё к пятому уроку придёте. Сейчас была замена русского.

— Две математики за день?! — воскликнул кто-то в дверях. — Анне Григорьевне не надоело болеть?

«Мне тоже надоело», — подумал я, но промолчал.

Потянулась чередой уроков. Седьмые классы, девятые... Уже какой год тянется по отработанной программе. Опять в руках мел, стою у доски, вижу в глазах учеников желание учиться или, наоборот, полное безразличие. Я давно понял, что достучаться до каждого невозможно, хотя я прилагаю все усилия для индивидуального подхода. Понимаю, что не у каждого есть деньги на репетитора, но хотелось бы, чтобы у достойных был шанс на лучшую жизнь. Я до сих пор считаю, что хорошее образование — это путь к успеху. Не всегда этот путь ведёт к большим деньгам, но быть просветлённым — это прямой долг любого человека.

Смена тянулась невероятно долго и мучительно. Время превратилось в густой серый кисель. Лица учеников сливались в одно бесконечное пятно. К концу седьмого урока я чувствовал себя выжатым лимоном, у которого отобрали даже корку.

Я сел за стол, закрыл лицо руками и с силой взъерошил волосы, пытаясь выгнать из головы этот туман. Надо было поесть. Столовая вот-вот закроется, а у меня во рту с утра не было ничего, кроме того несчастного шоколада.

Но тишина была недолгой. Дверь распахнулась, впуская учительницу географии и парочку понурых парней.

— Константин Владимирович, мои двоечники пришли долги исправлять. Примете сейчас?

Я посмотрел на них, потом на свои часы. Желудок жалобно сжался.

— Да... Только на перерыв схожу.

— Понимаю, — вздохнула географ, — я сама сегодня без «окон». Так! — прикрикнула она на парней. — Сидите и ждите. Только посмейте сбежать!

Двоечники нехотя скинули рюкзаки на парты и тут же улеглись на них, мгновенно принимая форму спящих котов.

Я быстро дошёл до столовой, успел до закрытия нормально пообедать и после направился в наше тайное место — старый школьный туалет, который коллеги называли «курилкой». Открыл окно, впуская морозный воздух. Дым от сигареты медленно потянулся на улицу.

Только здесь я позволил себе достать телефон. В социальной сети давно висело сообщение от Ани. Я хотел ей ответить сразу, но не люблю использовать телефон при детях, ведь у меня на уроках телефоны лежат строго на моём столе. И я, как живой пример, показываю, что телефонам не место в школе.

Аня прислала мне фотографию из Питера: мокрый асфальт, серая каша под ногами, дождь со снегом.

«А у нас тоже снег пошёл. Но тут же растаял. Блин... И как день прошёл?»

Я зажал сигарету в зубах и, щурясь от дыма, набрал ответ: «Погодка сегодня огонь! Чуть не замёрз до смерти. Я ещё на работе, позже позвоню».

Аня была онлайн. Ответ прилетел мгновенно:

«Хорошо! Только я сегодня до позднего вечера. Привезли

новую партию книг».

«Тогда напиши, когда закончишь», — отправил я и спрятал телефон.

Докурил, чувствуя, как никотин немного снимает напряжение, и вернулся в кабинет. Разумеется, должников и след простыл. Парты были пусты, рюкзаков нет.

— Понятно... Как всегда — сбежали.

Я открыл ноутбук, решив потратить эти минуты покоя на выставление оценок в журнал. Но стоило мне войти в систему, как в кабинет ворвалась завуч.

— Вы не забыли о собрании? Через пять минут собираемся в 204 кабинете, — голос завуча разрезал повисшую было тишину.

— Нет, я помню, — ответил я, хотя внутри всё оборвалось.

Завуч быстро покинула кабинет, а я с ужасом вспомнил об отчёте, который так и не успел доделать. Журнал пришлось закрыть. Я судорожно начал сводить таблицы и вбивать данные, краем глаза поглядывая на часы. Время неумолимо подбиралось к трём. Кое-как расправившись с цифрами, я сгрёб в охапку кучу бумаг и быстрым шагом направился в кабинет, где уже гудело совещание.

Найдя свободное место где-то на галёрке, я сел и попытался вникнуть в то, о чём вещали директор и завуч. Их голоса сливались в монотонный гул, который идеально дополнял серую обыденность за окном. Я смотрел на привычный

унылый зимний пейзаж, чувствуя, как реальность понемногу отступает. В какой-то момент панельные дома начали растворяться, уступая место величественным заснеженным горам. Воздух в моём воображении стал чистым и безмятежным, а где-то высоко в небе, перекрывая бубнёж начальства, раздался пронзительный и свободный крик птиц.

Мой полёт фантазии был безжалостно прерван обращением директора.

— Итак, организаторы на ЕГЭ в этом году снова проходят обучение, — его голос вернул меня в душный кабинет.

— Сейчас я продиктую фамилии, — подхватила завуч, шурша бумагами. — Вам на почту вышлют логины и пароли. Итак, обучение проходят Фоминцева Галина Ивановна, Рыскова Ольга Алексеевна, Вишневский Константин Владимирович...

Дальше её голос зазвучал для меня где-то на фоне, словно радио, у которого убавили громкость. Я открыл свой ежедневник и с тяжёлым сердцем сделал очередную пометку, всей душой ненавидя эту новость.

«Обучение ЕГЭ», — вывел я синей пастой.

В этот момент ко мне подошла вторая завуч. Она что-то тихо шепнула, прося отчёты, и я молча указал на стопку бумаг. Она забрала их и передала директору, который лишь бегло пролистал мои труды и небрежно бросил их на стол.

Педсовет длился уже час, и обстановка становилась по-настоящему душной и угнетающей. Все присутствующие преподаватели выглядели выжатыми досуха, а на их лицах читалась лишь одна просьба — отпустить всех домой. Я бессмысленно перебирал ручку, тихонько постукивая ею по столу, и наблюдал, как чистые листы моего ежедневника постепенно заполняются бессмысленными поручениями, датами и дедлайнами.

— Платили бы нам больше, а то только требуют. Это они сами должны делать, — донёсся до меня возмущённый шёпот одной из учительниц.

— Ой, не говори, Надя, — так же тихо поддержала её соседка.

— Я понимаю, коллеги, все устали за день, — директор обвёл взглядом кабинет, словно почувствовав градус всеобщего напряжения. — Мы задержим вас ещё чуть-чуть.

— У нас остался без руководителя 6 «А» класс, — вступила завуч. — Кто из вас желает взять его под своё руководство?

В кабинете повисла мёртвая тишина. Все прекрасно знали, что Алина Филипповна распустила этих детей до невозможного состояния, а потом просто бросила, поэтому желающих лезть в это пекло добровольно не было.

— Хорошо, — не дождавшись ответа, кивнул директор. — Мы посоветовались с завучами и решили, что Константин Владимирович будет их классным руководителем. Опыт

у вас имеется, ваш 9 «А» в том году лучше всех сдал экзамены, особенно по математике. 6 «А» как раз не помешает подтянуть знания и поработать с дисциплиной. ВПР по математике они написали на двойки, и в ваших отчётах, Константин Владимирович, их дела лучше не стали.

Завуч повернулась ко мне с торжествующей улыбкой, не терпящей возражений:

— Со следующей недели 6 «А» класс под вашим руководством.

Я удручённо посмотрел в свой ежедневник, чувствуя, как на плечи опускается бетонная плита. Ручка снова коснулась бумаги, и я сделал новую запись.

«Купить ружьё для 6-А».

— Костян и так капец как нагружен! — неожиданно вступился за меня физрук Александр Николаевич. — У него в этом году больше часов, и в две смены впахивает, как он всё это успеет? 6 «А» — те ещё засранцы, он с ними просто закопается.

— Давайте вы как-то без нас будете выяснять, кто возьмёт этот класс, — нервно перебила его историчка, складывая бумаги в сумку. — Мне уже пора сына с секции забирать.

И тут прозвучала фраза, которую я слышал каждый раз, когда нужно было на кого-то скинуть неоплачиваемую или самую грязную работу.

— Константин не женат, и детей у него нет, в отличие от нас, — безапелляционно заявила одна из коллег. — Ему не нужно после работы бежать к плите, готовить ужин, делать уроки с детьми и убираться. Алина их распустила, а мы теперь должны за неё отдуваться? Никто из нас не будет брать этот класс, у нас своих забот хватает.

Я молчал. Спорить с аргументом про отсутствие семьи было бесполезно — для них это всегда являлось железобетонным оправданием того, что моё личное время ничего не стоит.

— Всё, коллеги! — директор примирительно поднял руки. — Завтра утром жду у себя Константина Владимировича и Анну Григорьевну, мы окончательно решим, кому отдать класс.

— Анна Григорьевна на больничном, — напомнила завуч.

— Опять? — вздохнул директор.

— По ходу, Анна у нас в декрет собралась, — хихикнула учительница географии.

— Коллеги, собрание закончено. Начальные классы останутся на пять минут, остальные могут быть свободны.

Когда все начали шумно собираться, я подошёл к столу директора.

— Мне завтра к вам подойти?

— Я постараюсь дозвониться до Анны Григорьевны. Если она завтра появится, то я вас позову.

— Ладно. До свидания, — кивнул я и направился к вы-

ходу.

— Ещё забыл! — крикнул всем вдогонку директор. — Информация по «Лыжне России» будет скинута в наш чат. Обязательно ознакомьтесь.

Я вышел из кабинета с ощущением, что моя голова приобрела форму идеального квадрата. Столько обязанностей и чужих проблем в очередной раз взвалилось на мои плечи, и сбросить их было невозможно. За окнами пустых коридоров уже сгустилась темнота, превращая школу в мрачное, гулкое подземелье.

Глава 2

Вернувшись в свой кабинет, я молча собрал вещи и пошёл домой. Моя рутина сделала очередной виток: я снова стоял на промёрзшей остановке, пряча лицо от ледяного ветра, а затем снова втискивался в переполненный, пропахший сыростью вечерний автобус.

Я хотел только одного: спать. Господи, как же я хотел просто рухнуть на кровать и провалиться в темноту до самого утра. Ещё с утра я чувствовал себя не в своей тарелке, словно кто-то выкачал из меня все силы, а сейчас я был готов упасть прямо в ближайший сугроб и уснуть там.

Но я вспомнил, что дома шаром покати и еды нет от слова совсем. Пришлось тащиться в магазин.

Пока я месил снег ботинками по пути к супермаркету, в кармане зажужжал телефон. Мама. С одной стороны, я был рад её звонку, но с другой — я был настолько морально и физически истощён, что мне попросту не хотелось брать трубку. Я выдохнул облачко пара и нажал на зелёную кнопку.

— Ну как ты там, Костя? — раздался в динамике её голос.

— Всё нормально, мам.

— А что голос такой поникший?

— Да нагрузили на работе, как всегда. Ничего нового.

— Знаешь, кого я сегодня видела? — её тон заметно ожи-

вился. — Ваню Орлова. Твоего одноклассника!

— Ого, — равнодушно отозвался я.

— Здоровый стал, не узнать! Женился, сейчас с женой ждут ребёнка.

— Работает всё там же?

— Нет, что ты! Он сейчас бизнесмен. Такой деловой стал, солидный!

— Ну, поздравляю его, — сухо ответил я, чувствуя, куда клонится этот разговор.

— А ты когда за ум возьмёшься, Костя? — тон мамы сменился на укоризненный. — Не надоело копейки получать в своей гимназии? Ты же у меня такой умный, образованный, с дипломом, в отличие от этого Вани!

Я остановился посреди тротуара.

— Напомнить, почему я не стал как Орлов? — тихо спросил я.

— Хватит об этом, — мама тут же сдала назад. — Что было, то было. Внуков я, наверное, так и не дождусь... Все мои подруги уже бабушками стали, только я одна осталась. Тебе уже двадцать девять лет, Костя, а ты всё один.

— Опять мы за старое... — я переложил телефон в другую руку. — Mam, у меня рука на морозе отмёрзла с тобой говорить.

— Ладно, — вздохнула она. — Я позднее тебе перезвоню.

— Пока, мам.

Я сбросил вызов и сунул ледяной телефон в карман. Этот

разговор взбесил меня окончательно. Как же мне осточертело постоянно слышать одно и то же: «Когда женишься? А детки когда появятся?» Всё по изъезженной, стандартной программе. Бесит!

Все мои знакомые давно женились, некоторые уже успели развестись и жениться по второму кругу. Одни колесят по миру, другие ездят по стране, меняют работы, строят карьеры. А я... Я словно застрял в густой болотной трясине. Никуда не двигаюсь, никак не расту. Годы идут, а я стою на месте.

Конечно, я не говорю родителям всей правды. Не рассказываю о том, что у меня уже несколько лет тянется депрессия, которую я пытаюсь игнорировать. Что я снова начал курить. Что недавно сорвался и разбил кулаком дверь на кухне, потому что больше не мог терпеть эту давящую тишину. Что каждый божий день я прихожу поздно вечером в пустую, тёмную квартиру и просто продолжаю проверять чужие тетради.

По правде говоря, я прекрасно понимаю, что особо не нужен ни отцу, ни матери. Они звонят скорее ради приличия, просто поставить галочку: «Как дела? Жив ли ты там?». И только Аня... Только она даёт мне какую-то отдушину и заполняет своим светом эту звенящую пустоту. Когда она уехала с мамой в Питер, я остался без лучшего друга. Или даже без кого-то большего, чем просто друг.

Я зашёл в супермаркет. Яркий люминесцентный свет уда-

рил по глазам. Я привычно взял корзинку и пошёл вдоль рядов, машинально бросая внутрь то, что не требовало долгих кулинарных подвигов: макароны, сосиски, какой-то соус, хлеб. За последние годы я в совершенстве освоил искусство экономии. Я урезал свои расходы до минимума, откладывая каждую свободную копейку на свою единственную мечту.

Стоя в очереди к кассе, я достал бумажник. Раскрыл его. В специальном прозрачном кармашке, где нормальные люди носят фото жён и детей, у меня была вложена маленькая распечатанная картинка. Исландия. Эти пейзажи меня всегда успокаивали и дарили некое ощущение свободы.

Я смотрел на это фото, и шум супермаркета начал отдаваться. Писк сканера штрих-кодов исчез. В моём воспалённом, уставшем воображении картинка вдруг ожила. По небу поплыли тяжёлые облака, я отчётливо услышал гул пронизывающего северного ветра и далёкий крик морских птиц.

— С вас шестьсот сорок три рубля, — резкий голос кассирши выдернул меня из транса обратно в Каменск-Уральский.

Я моргнул. Пейзаж на фото застыл, словно пару секунд назад он не вырвал меня из серой обыденности.

— Да, сейчас, — пробормотал я, прикладывая карту к терминалу.

Расплатившись, я вышел из магазина. Снег повалил крупными хлопьями, застилая улицы и превращая город в одно большое белое пятно. На обочинах уже выросли приличные

сугробы. Я шёл домой, слушая скрип снега под ботинками. Думал, что можно послушать музыку в наушниках, но день был таким, что я ничего не хотел. Хотя без музыки не мог представить свой день.

Квартира встретила меня привычной тишиной. Я бросил пакет с продуктами на кухне и пошёл в душ, надеясь, что горячая вода смоет с меня хотя бы часть этого бесконечного дня.

Потом был ужин — безвкусные макароны с сосиской, съеденные прямо за рабочим столом. Я жевал, бездумно глядя на полки перед собой. Там стояла вся моя жизнь, аккуратно расставленная по ранжиру. Фотография с родителями, где мы ещё семья. Несколько снимков из весёлой студенческой жизни. Сувениры. И, как венец всему этому, на самом видном месте лежали школьная золотая медаль и бархатная шапочка магистра.

Блестящие символы моего огромного потенциала, которые меня никуда не привели.

Тишину квартиры разрезал короткий звук уведомления. Я потянулся к телефону и увидел сообщение от Ани.

«Я всё! Добби свободен!»

Я прочитал эти четыре слова, и губы сами собой растянулись в улыбке. Первой искренней улыбке за весь этот бесконечный день. Я набрал её номер, включил громкую связь и положил телефон на стол, возвращаясь к своей тарелке с макаронами.

Шли долгие гудки. А потом на той стороне прозвучал её голос — звонкий, живой, с едва уловимыми детскими интонациями, которые всегда заставляли меня забыть о моих серых буднях.

— Приём! Приём! Как меня слышно? — бодро отработала Аня.

— Очень хорошо, капитан! — отозвался я.

— Хе-хе. А я иду домой. Решила по дороге зайти в хлебную лавку за тульскими пряниками. Прямо умираю, как хочу.

— Ты пряничный маньяк, Ань, — усмехнулся я.

— Няха! — фыркнула она. — Как твой денёчек прошёл?

Я помешал макароны вилкой, глядя в стену.

— процитирую классику: «Ну, как тебе сказать... Темновато, мрачновато, в час пик горы трупов, как всегда».

На том конце провода раздался звонкий смех.

— Обожаю! «Геркулес», мультик детства. Много раз пересматривала его чисто из-за Аида. Кхм! — она наигранно откашлялась. — Учителей адом не напугать, они там работают.

— Это точно. Прямо в точку. А ты как отработала?

— Ну-у-у... У меня работа куда легче, чем у тебя, — протянула Аня. — Расставляла по полкам новенькие книги, читала, пила чай, а под конец дня упорно поработала с базой. Мама говорит, что у меня лучшая работа в мире!

— Библиотеки в Питере в принципе куда круче, чем наши каменные, — с лёгкой завистью заметил я.

— Знаю. Кость, я так хочу, чтобы ты приехал в Питер! — её голос стал мягче, серьезнее. — Тебе нужно сменить обстановку. Ты не пожалеешь, правда.

Я тяжело вздохнул. Поехать в Питер — это прекрасная идея. Но у меня была другая цель.

— Надо бы. Но ты же знаешь, куда я поеду в первую очередь.

— Исландия... — с придыханием произнесла она. — Горы, ветер и безмятежность. Ты сколько уже накопил?

— На один конец, — честно ответил я. — Все документы уже оформил, виза есть. Сейчас коплю на обратный билет и на карманные расходы.

— Эх. С моей зарплатой я, наверное, никогда ни на что не накоплю.

— У тебя Карелия под боком, тоже прекрасное место, — попытался подбодрить её я. — Кстати, видел твою новую иллюстрацию оттуда. Очень круто получилось. Прямо атмосферно.

— Спасибо! Я в выходные гуляла по любимым местам, решила немного поснимать. Пришла домой, села за планшет, и иллюстрация как-то сама нарисовалась.

— Только жалко, что просмотров и лайков у тебя мало. Алгоритмы несправедливы.

— Ой, да это неважно, — легко отмахнулась Аня. — Я же для себя выкладываю, для души... О нет! — вдруг трагично воскликнула она.

— Что случилось?

— Мои прянички! Последнюю пачку забрали прямо перед моим носом!

— Может, в другом магазине посмотришь?

— Мне лень идти по слякоти. Ладно, вафельки возьму. Знаешь, Кость... — она вдруг задумчиво замолчала. — В такие моменты хочется взять и сделать какое-нибудь дерзкое безумство.

— Например? Отнять пряники у покупателя?

— Нет! Представь: идёшь ты такой уставший с работы. Видишь, что нет твоих тульских пряников. Психуешь. Едешь в аэропорт, покупаешь билет на ближайший рейс и летишь прямо в Тулу! Встречаешь рассвет в новом городе, сидишь где-нибудь в кафе с горячим чаем и свежим пряником.

Я замер с вилкой в руке. Её слова почему-то странным эхом отозвались внутри.

— Это прям идеальное начало для фильма. Или для книги, — тихо сказал я.

— А потом, — воодушевлённо продолжила Аня, — героиня понимает, что денег на обратный путь у неё нет! И так начинается история о незабываемых приключениях. Я даже название придумала: «Дорога домой».

— Звучит круто. А я вот всё никак не могу дописать свою историю...

— Обязательно допиши! — строго наказала она. — Я давно жду от тебя новых глав. Не забрасывай это дело, Кость.

— Надо. Только времени всё время не хватает... Ладно, беги домой. Не мёрзни там. И маме привет передавай.

— Обязательно. И напоследок! Я сейчас скину тебе одну песенку. Она прямо о моих планах на это лето.

— Хорошо, на досуге послушаю.

— Всё, отключаюсь. Обнимаю!

Вызов завершился. В комнате снова повисла тишина, но теперь она не казалась такой удушающей. Аня умела это делать — порой фраз разгонять мрак в моей голове.

Я доел свой ужин, открыл её страницу и ещё раз посмотрел на новую иллюстрацию. Я не знаток в живописи, но для меня было красиво. Потом не спеша помыл посуду, вытащил из рюкзака недопроверенные тетради и сложил их на край стола.

Закончив с бытовухой, я открыл ноутбук. В мессенджере уже висело новое сообщение от Ани:

«Послушай, это нечто!»

К сообщению был прикреплён трек: Sirotkin — Планы на это лето.

Я скачал мелодию на телефон, надел наушники и нажал на плей. Под мягкие, меланхоличные аккорды я открыл папку на рабочем столе.

Файл назывался просто: «Хранитель ключей. Научно-фантастический роман. Вишневский К.В.»

Я открыл документ и прокрутил текст до последней главы, которую так и бросил на полуслове месяц назад. Попытался

вчитаться в свои же строчки.

Только-только в голове начали складываться первые разумные строки, а пальцы поймали нужный ритм над клавиатурой, как телефон завибрировал. Звонок. Теперь обо мне вспомнил папа.

Я понял, что день хотел раздавить меня окончательно. Хотя нет — с папой у меня отношения хорошие, просто я хотел хоть на пару часов вырваться из мирской жизни в поток творчества. Хоть на пару часов побыть там, где я всегда себя видел.

Я тяжело выдохнул. Отодвинул ноутбук в сторону в надежде, что после короткого разговора с папой снова вернусь к рукописи.

— Да, пап?

— Привет, Костя. Ты дома?

— Дома. А что случилось?

— У Нади завтра контрольная по математике, а она вообще ничего не понимает. Сидит, рыдает в три ручья. Сможешь ей помочь?

Я бросил тоскливый взгляд на экран ноутбука, потом на стопку непроверенных тетрадей на краю стола.

— Ладно... — обречённо выдохнул я.

— Вот и отлично. Я сейчас за тобой подъеду.

Я с силой захлопнул крышку ноутбука. Короче, жду к концу дня прилёт метеорита, прям в окна моей однушки. Чтобы закончить этот день апофеозом. Я раздражённо натянул

на себя холодные джинсы и свитер, сунул ноги в ботинки и вышел в морозную ночь.

Машина отца уже ждала у подъезда, пуская густой белый пар из выхлопной трубы. Я открыл дверь и сел на переднее сиденье. Отец протянул руку, мы обменялись привычным крепким рукопожатием.

Машина плавно тронулась, рассекая заснеженные улицы Каменска. В салоне пахло дорогим ароматизатором и хорошей жизнью.

— Холодно сегодня, — нарушил тишину отец.

— И метёт, — кивнул я, глядя на танцующие в свете фар снежинки.

Отец бросил на меня короткий взгляд.

— Смотрю, день не очень задался?

— Да опять на работе нагрузили. Ещё и классное руководство шестым классом навязывают. Отбиваюсь, как могу.

— Ты же только в том году выпустил девятый класс, — нахмурился он. — Даже передохнуть не дают.

— Посмотрим. Может, и обойдутся без меня, — я решил сменить тему, не желая жаловаться. — У Нади всё так плохо?

— У них новая учительница, и Надя с ней контакт вообще найти не может. Ничего не понимает. Эта мымра ещё и постоянно задаёт контрольные да самостоятельные. Надя уже две двойки схватила, паникует.

— Исправим, — коротко пообещал я.

Машина подъехала к их новому, красивому дому. Как

только мы зашли внутрь, меня сразу же окутало теплом и запахами домашней еды. Контраст с моей пустой холодной хрущёвкой был настолько разительным, что на секунду где-то в душе стало больно.

Нас встретила жена отца, Анастасия. Она вышла в коридор в уютном домашнем халате, вытирая руки полотенцем.

— Ой, как хорошо, что ты пришёл, Костя! — искренне обрадовалась она. — Проходите скорее, снаружи холодище.

Из комнаты тут же выскочила восьмилетняя Лиза.

— Надя! Костя приехал! — завопила она на весь дом. — Твои страдания закончились!

— Я пойду чайник поставлю, — засуетилась Анастасия. — Ты борщ будешь, Костя? Свежий, только сварила.

— Нет, спасибо, я дома поел, — соврал я про макароны, снимая куртку. Мне не хотелось задерживаться здесь дольше необходимого.

Я прошёл в детскую. Надя сидела за письменным столом, обложившись учебниками. По её красному носу и опухшим глазам было видно, что рыдала она знатно. Но, увидев меня, она быстро шмыгнула носом и взяла себя в руки. Лиза тем временем беззаботно развалилась на кровати и рубилась во что-то на телефоне.

Я пододвинул стул и сел рядом с Надей.

— Ну, показывай. Что ты не поняла?

Девочка судорожно начала листать учебник, тыкая пальцем в параграфы.

— Вот... Координаты на прямой. И противоположные числа. И ещё вот эти темы, — она жалобно посмотрела на меня.

— Господи, Надь, это же легко, — мягко улыбнулся я. — Давай я тебе объясню по-человечески.

Я взял чистый лист бумаги, достал ручку и начал рисовать. Я объяснял ей темы так, как объяснял бы своим балбесам из 6 «Б» — на простых примерах, рисуя оси, отмеряя шаги. Минут через пятнадцать напряжение спало с её плеч. Девочка начала понимать логику и под моим руководством стала сама щёлкать задания из учебника.

— Папа скоро в отпуск пойдёт, — вдруг подала голос Лиза, не отрываясь от экрана телефона. — Мы полетим в Сочи на неделю.

— Слава богу, — буркнула Надя, решая пример. — Я эту математичку хоть видеть не буду целую неделю.

Лиза перевернулась на живот и посмотрела на меня.

— А ты, Костя, был в Сочи?

— Нет, — я покачал головой. — Только в Москве. И в Словении один раз.

— Ого! А зачем в Словению? Отдыхать?

— Нет. Участвовал в международной олимпиаде по математике, когда был школьником.

— И всё? Только по учёбе? — искренне удивилась Лиза. — А мы постоянно куда-нибудь ездим! И всегда оставляем пометки на нашей карте. Вон, смотри!

Она махнула рукой на стену. Я встал и подошёл ближе.

Большая, красивая пробковая карта мира висела над кроватью. В неё были воткнуты десятки ярких флажков-булавочек. Турция, Египет, Вьетнам, какие-то европейские города. Сочи, Питер, Алтай. Вся их совместная, счастливая, наполненная событиями жизнь была задокументирована здесь, на этой стене.

Я скрестил руки на груди, рассматривая цветные точки. Одна из них, где-то в районе Восточной Европы, вдруг привлекла моё внимание.

Польша.

Я смотрел на эту точку, и гул уютной детской комнаты начал растворяться. К горлу подкатил давно забытый ком, а перед глазами всплыли картинки из прошлого, которые я так старательно пытался похоронить на задворках памяти.

Глава 3

Мне было десять.

Я помню этот день кусками, как склеенную киноплёнку. Помню, как на кухонном столе лежала пухлая папка с документами. На ней крупными буквами было написано что-то непонятное, взрослое. Отец мерил шагами коридор, прижимая к уху домашний телефон.

— Им нужен хирург-эндокринолог? — напряжённо говорил он. — Да, я готов пройти обучение. Хорошо, спасибо. До свидания.

Он положил трубку и выдохнул так, словно сбросил с плеч мешок с цементом.

— Пап, можно я пойду погуляю? — спросил я, переминаясь с ноги на ногу в коридоре с футбольным мячом под мышкой.

— Да, — рассеянно кивнул он. — Только со двора ни ногой.

Я убежал. Играл с пацанами до одури, до стёртых коленок и не заметил, как стемнело. Домой вернулся лохматый, грязный, пропахший уличной пылью, но абсолютно счастливый.

— Я дома! — крикнул я с порога, разуваясь.

Никто не вышел меня встречать. Вместо этого из зала доносились крики. Родители ссорились и раньше, но в тот раз в

их голосах было что-то иное, что-то холодное. Я на цыпочках подошёл к приоткрытой двери и заглянул в щель.

— Как ты можешь так поступать со мной?! — кричал отец, размахивая руками. — Я сделал все документы! Мы уедем в Польшу и начнём всё с чистого листа! Нормально заживём!

— Это не поможет! — отрезала мама. Она стояла у окна, скрестив руки на груди. — Между нами всё кончено. Слышишь? Всё.

Отец замер. Потом с каким-то диким, животным рыком схватил со стола хрустальную вазу с цветами — он сам подарил их ей пару дней назад — и швырнул об пол. Звон разбитого стекла эхом ударил мне по ушам. Вода и лепестки разлетелись по ковру. Отец сорвал с вешалки куртку, схватил ключи от машины и пулей вылетел из квартиры, даже не посмотрев в мою сторону. С грохотом хлопнула входная дверь.

Я стоял в коридоре, прижимая к себе грязный мяч.

— Мам, что происходит? — мой голос дрогнул.

Она вышла из зала. Лицо было бледным, но глаза оставались сухими, словно расставание её никак не огорчило.

— Мы с папой разводимся, Костя. Он больше с нами жить не будет.

Слова дошли до меня не сразу. А когда дошли — мир рухнул. Я выронил мяч, развернулся и бросился вон из квартиры.

— Костя, стой! — крикнула она вслед, но я уже летел

вниз по лестнице.

Я выскочил из подъезда. Машина отца уже отъезжала со двора.

— Пап, вернись! Стой! — закричал я, срывая голос.

Я бежал за его машиной, махал руками, но красные габаритные огни лишь удалялись, пока не скрылись за поворотом. Я остановился посреди дороги. Слезы текли по щекам, я размазывал их грязными руками, втирая уличную пыль в лицо. В тот момент я понял: как бы быстро ты ни бежал, ты не сможешь заставить человека остаться.

Я вернулся домой. Тихо закрыл за собой дверь и, не глядя на маму, прошёл в свою комнату. Щёлкнул замком. Упал на кровать прямо в грязной одежде и уставился в потолок. Внутри всё заledenело. Мой прежний мир рухнул. Я думал, что моя семья будет вместе навсегда.

Ручка двери дёрнулась.

— Костя, открой! — голос мамы дрожал. — Пожалуйста, дай я тебе всё объясню.

— Всё в порядке, мам, — равнодушно ответил я в пустоту. — Ты не любишь папу, поэтому вы разводитесь. Я всё понял. Я просто хочу побыть один.

Она молча ушла на кухню. Позже я умылся, смыл с лица грязные разводы, и мы сели ужинать. Ели в абсолютной тишине, слышен был только звон вилок о тарелки.

Отец всё-таки уехал в Польшу. Один. Но долго там не про-

держался — вернулся через полгода. Привёз мне заграничные сладости и сувениры. А потом он женился во второй раз, купил новую квартиру, а позже и вовсе переехал в коттедж. Появилась Надя, потом Лиза, и я плавно отошёл на задний план, превратившись в бесплатного репетитора и гостя по выходным.

Маме повезло меньше. Она променяла отца на мутного типа по имени Юра. Он красиво пел, обещал золотые горы, уговорил её продать квартиру, чтобы вложиться в прибыльный «бизнес», а потом исчез с деньгами. Мы остались на улице. Началась бесконечная череда съёмных клоповников и новых школ, где я всегда был новеньким. Именно поэтому, став взрослым, я вцепился в ипотеку мёртвой хваткой — мне нужна была своя берлога, откуда меня никто и никогда не выгонит.

— Я всё решила!

Голос Нади выдернул меня из прошлого, как удар током. Я моргнул, прогоняя наваждение. Карта мира с флажками снова обрела резкость.

Я вернулся к столу и склонился над тетрадью сестры.

— Всё правильно, — резюмировал я.

— Это, оказывается, так легко, — Надя радостно откинулась на спинку стула. — Нашей математичке далеко до тебя,

Костя.

— Ты просто не привыкла к её стилю преподавания.

— Не-е, — протянула Лиза, не отрываясь от телефона. — Ольга Алексеевна та ещё стерва.

— Это что ещё за словечки, Лиза?! — раздался из коридора возмущённый голос Анастасии. — А ну, быстро убрала телефон и марш на кухню! Там всё стынет.

— Мы закончили, — сказал я, поднимаясь. — Завтра она справится с контрольной.

— Иди тоже за стол, Костя, чай попьёшь, — позвала Анастасия, заглядывая в комнату.

— Я не могу. Мне ещё тетради надо проверять до ночи. Я пойду.

— Ну, тогда не будем тебя задерживать. И спасибо тебе огромное за помощь.

— Да что там. Она сама всё решила, я только подтолкнул. Я вышел в коридор и начал одеваться. Отец тоже натягивал куртку — вызвался довезти меня до дома.

— Дорогой, купи по дороге майонез и что-нибудь к чаю, — попросила Анастасия, поправляя ему воротник. — Девочки всё печенье смели.

— Ладно, — кивнул он.

— Ещё раз спасибо, Костя! — крикнула Анастасия.

— Пока! — Лиза помахала рукой из кухни. Надя молча улыбнулась и махнула мне вслед.

В машине было тихо. Отец довёз меня до моего двора,

остановился у подъезда. Полез во внутренний карман куртки, достал бумажник и протянул мне тысячную купюру.

— Это тебе. За помощь.

— О. Спасибо, — я взял деньги.

— Больше дать не могу, извини. Машину в ремонт надо срочно отдать, — как бы оправдываясь, добавил он.

«Или в Сочи слетать на неделю», — мысленно закончил я за него, но вслух ничего не сказал. Спрятал купюру в карман. Я уже взялся за ручку двери, но вдруг остановился. Тот флажок на карте не давал мне покоя.

— Я тут вспомнил кое-что, — сказал я, глядя в лобовое стекло на падающий снег.

— Что именно?

— Ты тогда улетел в Польшу... У тебя там была работа, перспективы. Почему ты решил вернуться обратно в Россию?

Отец тяжело вздохнул. Его пальцы нервно постучали по оплётке руля.

— Я там был один, Костя. Да, меня хорошо встретили наши дальние родственники, помогли на первых порах... Но я был там совсем один. Места себе не находил. Знаешь, моментами я жалею, что не остался там. Рано сдался.

— А что сейчас мешает тебе уехать? — прямо спросил я.
— Опыт есть.

Отец грустно усмехнулся и посмотрел в боковое окно, где в свете фонаря кружилась метель.

— Я уже стар для перемен, Кость.

Эти слова повисли в салоне холодным, тяжёлым туманом.

Стар для перемен...

— Ладно. Я пошёл, — я дёрнул ручку двери и вышел на мороз.

— Ага. Созвонимся на неделе, — бросил он.

Я захлопнул дверь. Машина развернулась и уехала, оставив меня одного стоять во дворе.

Стар для перемен...

Слова отца въелись в самую душу, не давали покоя. Я ощущал, что теряю себя, что, как и все в этом мире, старею и растрачиваю годы на серые будни.

Я вернулся в свою пустую квартиру, стянул куртку и бросил смятую тысячную купюру на стол. Она легла рядом со стопкой непроверенных тетрадей, напоминая о том, сколько стоит моё время.

Я включил настольную лампу, прогоняя мрак из углов комнаты. Взял в руки красную ручку. Чтобы тишина не давила на уши, открыл на ноутбуке «Хоббита». Я не собирался его смотреть — знал этот фильм почти наизусть, — мне просто нужны были голоса на фоне, атмосфера любимой реальности — Средиземья.

Первой мне под руку попала тетрадь из 7 «Б». Бубнов

Даниил. Хорошист, думаю, на его проверку потрачу не больше трёх минут. Открыл тетрадь, а внутри — очередное послание. Самодельный конверт, весь обклеенный наклейками-сердечками. Я машинально взял его и уже хотел швырнуть в урну: понятно же, что это не Даниил мне оставил послание, а кто-то из его одноклассниц подкинул. Момент выбрали удачный — аккуратно перед проверкой.

Я решил всё-таки открыть это наивное послание, хотя за столько лет работы был уже сыт ими по горло. Но в этот раз меня почему-то повело не в ту сторону. Вскрыл — и смутился. Оно было адресовано не мне. Я осторожно заклеил конверт обратно и вложил его между страниц тетради. Даниил завтра прочтёт. Надеюсь, порадует, что на него клюют девочки.

А с какого перепугу я вообще решил, что это послание мне? Зазнался, Костян. Ты стареешь, скоро на тебя вообще никто внимания обращать не будет. Эх, старею...

Я немного взгрустнул. Под знакомые мелодии и диалоги героев из фильма я монотонно исправлял нелепые ошибки и выводил одни и те же комментарии. Прошло полчаса. Я бросил взгляд на часы — 22:50. Половина стопки была проверена, но вторая половина всё ещё возвышалась надо мной, как неприступная крепость.

Откинувшись на спинку стула, я с силой потёр лицо руками. Глаза жгло. Встал, накинул куртку прямо на домашнюю футболку, взял сигареты и вышел на балкон.

Ледяной февральский воздух ударил по лёгким. Я закурил, жадно втягивая дым, и устался на ночной Каменск. Одинаковые серые коробки домов с жёлтыми квадратами чужих окон. Серые дворы. Никакой перспективы. Я закрыл глаза, вдыхая мороз. А когда открыл их снова, панельные многоэтажки начали терять свои очертания. В моём уставшем сознании их угловатые крыши вытянулись, превращаясь в вонзающиеся в небо скалы. Жёлтый свет фонарей стал мягким свечением северного солнца. Я стоял на краю фьорда, ветер трепал мои волосы, а в руках вместо сигареты была кружка обжигающе горячего кофе. Там было тихо. Так оглушительно тихо...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.